

АКТУАЛЬНЫЕ ПРОБЛЕМЫ МЕЖКУЛЬТУРНОЙ КОММУНИКАЦИИ

СЛОВА И ЕГО ПРЕЗЕНТАЦИЯ В МЕНТАЛЬНОМ ПРОСТРАНСТВЕ ЧЕЛОВЕКА

И.А. Быкова

Кафедра иностранных языков № 1

Российский университет дружбы народов

Ул. Миклухо-Маклая, 6, 117198, Москва, Россия

Статья посвящена исследованию некоторых аспектов, касающихся категоризации и конституализации разнообразных языковых явлений, непосредственно связанных с их функционированием в дискурсе.

Распространение когнитивно-дискурсивной исследовательской парадигмы на проблемы теории и практики перевода включает в качестве обязательных компонентов функционально-прагматический, социальный, психологический и другие аспекты, в силу того, что функционализм в целом рассматривается как одна из главных тенденций современной науки о языке. В лингвистических исследованиях последних лет наблюдается смещение внимания на представление языковых явлений в антропоцентрическом ключе, предпринимаются попытки осмыслить язык как основной инструмент категоризации мира, как важнейшее средство выражения и отражения когнитивной деятельности человека.

Выход за пределы собственно языкового аспекта при описании речевой деятельности стал особенно необходимым в случае обращения к деятельности использования языка в социально-общественном контексте, при изучении языка как выразителя определенной системы мировосприятия, определенной системы взглядов и ценностей [Кубрякова, 2000. С. 11].

Известно, что появление нового фрагмента деятельностного опыта носителей языка автоматически фиксируется на лексической карте. Так, например, в связи с ростом насилия практически во всех странах мира наблюдается создание частных охранных служб и фирм, занимающихся той

деятельностью, которую в условиях роста преступности не способны осуществлять официальные органы власти. Подобные объекты внеязыковой действительности получили такие наименования, как *"compnías de seguridad privada"*; *"celadores armados"*.

Рассмотрим, в частности, словосочетание *"celador armado"*. В испанских, испанско-русских словарях оно отсутствует. Основной компонент данного словосочетания *"celador"*, согласно словарям М.Молинер, Х.Касареса, *Larousse*, имеет следующие значения:

"Se aplica en algunos casos a la persona que tiene a su cargo cuidar de que se comporten debidamente otras en un sitio; por ejemplo, los niños en un colegio o los presos en la cárcel".

Иначе говоря, в лексической единице (ЛЕ) *"celador"* актуализируются семы "только школа" или "только тюрьма".

В аргентинском варианте ЛЕ *"celador"* употребляется в значении "классный надзиратель", в уругвайском - "полицейский надзиратель" [Словарь ... 1988, с.184]. В мексиканском национальном варианте, согласно мнению информантов, она обозначает охранника тюрьмы (*"¿ Celadores? Los tenemos sólo en las cárceles"*). В этом национальном варианте для номинации подобного объекта внеязыковой действительности используется другая ЛЕ - *"vigilante"*.

В Колумбии вооруженную охрану (например, пост вооруженных охранников) больниц, школ, предприятий, банков и так далее, принято называть *"celadores armados"*. При этом следует отметить, что данное словосочетание ограничено в употреблении по территориальному параметру колумбийским вариантом испанского языка.

В конкретных национальных вариантах испанского языка у этих языковых единиц имеется четкая референтная соотнесенность, эксплицитно выражен набор признаков денотата, и сама денотативная предопределенность их значений очерчивает круг возможных ситуаций употребления данных единиц.

Пример: *“Las descomunales dimensiones de la amenaza hacen que en torno a ella florezcan negocios subsidiarios de grandes dimensiones. Desde la venta de pólizas antisequestro por parte de las compañías de seguro hasta el blindaje de automóviles, pasando por el crecimiento de compañías (especialmente norteamericanas) especializadas en negociar rescates con discreción y tacto, necesarios para evitar la intervención, generalmente catastrófica de las autoridades: la mayoría de los secuestrados salen muertos del trance, pierden la vida en las operaciones de rescate ejecutadas por la policía o el Ejército... Actualmente, y en particular en Colombia, si se suma el personal de las compañías de seguridad privada - guardaespaldas, celadores armados - al de las fuerzas regulares del Ejército y la Policía, al de los ejércitos privados de narcotraficantes, al de las numerosas pandillas de secuestradores, se llega a un dato económico impresionante”.* (EL Siglo, 18 de noviembre de 1999, 2)

В русском языке в последние годы также появились словосочетания “вооруженная охрана” (пост), “вооруженные охранники” в школах, спортзалах, больницах, на предприятиях, в банках, именующие в речи явление, сходное с понятием, обозначающимся в колумбийском национальном варианте *“celador armado”*. Следует отметить, что “Словарь русского языка” не регистрирует значение, в котором эти словосочетания функционируют в современной речи. Как следствие, русско-испанские словари [Русско-испанский словарь под ред. Л.М.Кальво 1982, под ред. Б.Н.Нарумова 1987] на слова “охранники”, “охрана” приводят следующие значения:

(acción) defensa, protección, guardia, custodia; (conjunto de gente) guardia”; (fam.) - miembro, agente de la ojrancá (policía “secreta de la Rusia zarista); “охранять” - “guardar, cuidar, vigilar, custodiar, proteger, defender, amparar, salvaguardar”. Иначе говоря, исследуемое нами значение отсутствует.

Вместе с тем, перевод фонового словосочетания *“celadores armados”* русским “вооруженная охрана/пост”, в целом, позволяет русскоязычному адресату сделать соответствующие смысловые выводы на основе

ассоциаций, связанных с релевантными чертами речевой ситуации и способствующих адекватному отображению внеязыковой ситуации средствами русского языка.

Таким образом, тезаурус коммуникантов, фоновые знания, связанные с социальными условиями развития соответствующих государственных общностей, на основе которых возникают определенные ассоциации, позволяют отнести словосочетание "*celador armado*" и "вооруженный охранник" к межъязыковой фоновой лексике.

Передача колумбийского фонового словосочетания "*celadores armados*" русскими "вооруженные охранники", "вооруженная охрана", "пост охраны" способствует воссозданию в русском языке образа данного фонового словосочетания как знака конкретной ситуации, актуализируя в тезаурусе адресата дополнительную экстралингвистическую информацию, обеспечивающую восприятие текста на ПЯ в соответствии с целями и задачами двуязычной опосредованной коммуникации.

Определяющим фактором осуществления коммуникативно-прагматической адаптации текста на испанском языке является межвариантная специфика испаноязычного адресата, его принадлежность к определенной лингвокультурной общности, в которой испанский язык реализуется в одном из своих национальных вариантов. Как показывают наши наблюдения и подтверждают результаты опросов информантов, этому параметру принадлежит одно из первых мест в иерархии факторов, предписывающих адекватный выбор вариантов соответствий и ограничивающих употребление безэквивалентных и фоновых лексических единиц и в актах опосредованной двуязычной коммуникации.

Интересно отметить, что в английском языке наблюдаются сходные тенденции.

Для обозначения бездомных в американском варианте английского языка в 70-х годах прошлого столетия появилось словосочетание "*shopping-bag lady*" (a vagrant, homeless and often elderly woman roams a city carrying her possessions in a shopping bag or bags).

В комбинации английский-русский язык на тот период времени оно относилось к разряду безэквивалентных ЛЕ. В СССР отсутствовало социальное явление подобного рода. В русском языке английское словосочетание не имело референтной соотнесенности, что не могло не создавать максимально неопределенного или, по крайней мере, нейтрального впечатления о денотате. В американской прессе языковую иллюзию оправдания и смягчения подобного социального явления выполняло еще одно словосочетание – “street person”. Его употребление было ограничено ситуациями официального общения, как правило, письменным стилем. Например:

An elderly man who roamed the streets with a shopping cart full of tin cans and bottles was beaten to death by another “street person” as hundreds of vagrants waiting for hot meal looked on.

Типичными характеристиками выше указанных ЛЕ американского варианта английского языка были косвенность обозначения, несоответствие между именем и понятием, в результате чего имя становится в оценочном отношении выше, чем понятие и служит семантической базой для достижения желаемого прагматического эффекта высказывания, является своеобразной вуалью, которая прикрывает неприятную сущность явления.

В 80-е годы двадцатого века появилась еще одна ЛЕ, дополняющая синонимический ряд, который использовался для обозначения категории «бездомных». Это сленговое слово “skell”. По мнению лингвиста У. Сэфайэра (1984), *skell* является усечением от “skellum” (a rascal or thief), созвучно “skelder” (to beg on the streets). Последнее впервые появилось в печати в 1599 г. Существует предположение, что эта ЛЕ была заимствована из тюремного аргота.

Пример: *While some New Yorkers seldom use the subway, others live there. The police call such people “skells” and are seldom harsh with them.*

Данное слово воспринимается резко отрицательно и относится к моновалентным ЛЕ. В русском языке в результате смены политических

координат, изменений в социальной структуре общества появился неологизм «бомж» («бомжи»), характеризующийся четкой денотативной соотнесенностью и ярко выраженной коннотативной окрашенностью. Эта ЛЕ имеет нормативно-этическую оценку, т.е. оценку, определяемую по шкале социальных ценностей или качественную характеристику по социальному параметру. Оценка не подвергается изменению и сохраняет отрицательный знак, употребляется, как правило, в неформальных ситуациях. В отличие от вариантов соответствия в английском языке, данная ЛЕ практически сразу утратила облагораживающие свойства эвфемизма и приобрела статус прямого наименования неприятного явления в жизни общества, которое она первоначально была призвана завуалировать.

Таким образом, изменения в тезаурусе коммуникантов, фоновые знания, связанные с социальными условиями развития соответствующих государственных общностей, позволяют русскоязычному адресату сделать соответствующие смысловые выводы на основе ассоциаций, связанных с релевантными чертами речевой ситуации и способствующих адекватному отображению внеязыковой ситуации средствами русского языка.

Вместе с тем, следует особо отметить, что если информативная двуплановость английских ЛЕ в целом служит прекрасной семантической базой для достижения желаемого прагматического эффекта высказывания (создания успокаивающего прагматического эффекта), то в русском языке образ данной фоновой единицы актуализирует в тезаурусе адресата дополнительную экстралингвистическую информацию, которая вместо того, чтобы отвлекать внимание от негативного явления действительности, усиливает ее внутреннюю рематичность, акцентирует ассоциативные связи с денотатом, прямое обозначение которого табуируется, что в некоторых ситуациях общения может вступать в противоречие с пресуппозицией намерения адресанта, создавать аномалию с точки зрения целей и задач двуязычной опосредованной коммуникации. Особо следует отметить, что прагматика русской ЛЕ содержит временную коннотацию новизны, которая способствует усилению коммуникативного динамизма этой аббревиатуры.

Общеизвестно, что язык средств массовой информации (СМИ) является ярчайшим срезом общества, обладает большой силой воздействия, отражает национальный менталитет. Лингвистические исследования последних лет, сосредоточенные на изучении языка СМИ или выявляющие соотношение языка и идеологии [Language and Ideology 2001], подтверждают предположение о том, что в разных дискурсах, например политическом, язык используется для выражения особой ментальности и создания особой языковой картины мира, модели ментального пространства. Подобное понимание позволяет более глубоко проникнуть в когнитивную картину мира и ее отражение в разных языковых общностях людей.

ЛИТЕРАТУРА

1. Испанско-русский словарь современного употребления / под ред. Садикова А.В., Нарумова Б.П. – М.: Рус. яз., 1996. – 748 с.
2. Кальво Л.М. Русско-испанский, испанско-русский словарь. - Сорена, Barcelona. - Т.1. - 1951 с. - Т.2. - 1910 с.
3. Кубрякова Е.С. О понятиях дискурса и дискурсивного анализа в современной лингвистике./Сб. обзоров. –М.:ИЯ РАН, 2000. – С. 8-22.
4. Language and Ideology, vol. I-II - Amsterdam:Benjamins, 2001.-216p.
5. Safire W. Take my word for it. - New York, 1984. – 196 p.

THE WORD AND ITS PRESENTATION IN THE MENTAL SPAIS OF THE PERSON

I.A. Bykova

Foreing Languages Chair № 2

Peoples' Friendship University of Russia

6, Miklucho-Maklay St., 117198 Moscow, Russia

This article deals with the research of certain aspects concerning categorization and constitutionalization of the various language phenomena, directly connected to their functioning in discourse.